

А.Л. Андреев

МЕНТАЛЬНОСТЬ РОССИЯН И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Люди разного достатка и социального положения обычно придерживаются неодинаковых взглядов на мир. То, что в одной социальной среде считается ценностью, в другой может рассматриваться нейтрально или даже негативно. И хотя это положение в принципе верно для всех обществ, какой-то единой "формулы", связывающей социальные различия с определенными ценностными ориентациями, не существует. Общая закономерность всегда выражает себя в формах национального менталитета и модифицируется применительно к смене социально-исторических условий. Каким образом проявляется она в российском социуме на современном этапе его эволюции? Попробуем ответить на этот вопрос, опираясь на материалы исследования "Социальное неравенство в социологическом измерении", проведенном учеными Института социологии РАН в апреле–мае 2006 г. (Опрошено 1750 респондентов, проживающих в 58 поселениях разных типов из 19 субъектов Федерации).

Если учитывать цивилизационные особенности России, то начать анализ следует с соотношения ценностей коллективизма и индивидуализма, выражающих не только различные жизненные стратегии, но и способы наиболее эффективно решения жизненных задач.

В проведенном исследовании респондентам предлагались три пары альтернативных тезисов, характеризующих указанную аксиологическую антиномию в одном из ее конкретных смысловых "срезов". Прежде всего это самый общий мировоззренческий аспект — уровень своего рода "жизненной мудрости". Что кажется сегодня россиянам более правильным — известная всем пословица "Человек — сам кузнец своего счастья" (а это значит, что и успех, и неудачи — все в его руках) или противоположная этому максима "Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями" (а стало быть, старайся или не старайся, но результат все равно в конечном счете от этого не зависит)?

Как известно, развитие России шло в очень трудных, часто экстремальных природных и исторических условиях, что отложилось в национальном менталитете в виде своеобразного стоического фатализма, признающего неодолимую силу обстоятельств. Человек в такой картине мира ощущает себя бессильным перед обстоятельствами: "плетью обуха не перешибешь".

Мы, разумеется, не располагаем эмпирическими данными, позволяющими проследить, как исторически менялось количественное соотношение между "активистской" и "фаталистической" позициями. Тем не менее результаты исследования позволяют сделать вывод, что и в настоящее время последняя несколько преобладает в российском обществе, однако это преобладание, само по себе достаточно значимое, все же не является подавляющим. За утверждение "человек сам кузнец своего счастья" в ходе опроса высказались в общей сложности 42% респондентов,

Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант № 07-03-102а.

АНДРЕЕВ Андрей Леонидович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

а в поддержку противоположной точки зрения — 58%. Итак, большие способности и усилия не всегда дают пропорциональные результаты. Прочная укорененность в массовом сознании такого взгляда на вещи наталкивает на мысль, что "культура неопределенности" и "общество риска" в силу тех или иных причин сформировались в России задолго до того, как об этом стали говорить на Западе. Просто здесь такой модус бытия всегда казался настолько естественным, что потребности в какой-то специальной рефлексии по этому поводу не возникало.

Когда вопрос переходит из философско-мировоззренческой плоскости в сферу чисто практических соображений, эта пропорция изменяется в сторону повышения роли индивидуальных усилий человека, а значит и индивидуального начала вообще. В этой связи весьма примечательным с точки зрения теоретической реконструкции социально-психологического профиля российского общества является распределение мнений по поводу еще одной предложенной нашим респондентам альтернативы, касающейся стратегии, на которую должны ориентироваться социальные практики. Как лучше действовать, чтобы отстоять свои интересы и добиться чего-то важного, — сообща или рассчитывая исключительно лишь на свои силы? В данном вопросе респонденты разделились практически поровну: 51% — за коллективные действия, 49% — за чисто индивидуальные.

Очевидно, что полученную итоговую пропорцию надо рассматривать как сложную результирующую многих противоречиво связанных друг с другом факторов и обстоятельств. В ней смешаны и естественная склонность к индивидуализму, всегда присущая той или иной части населения, и дефицит навыков социальной самоорганизации, во многом утраченных или атрофировавшихся в условиях советского патернализма, и воздействие СМИ, настойчиво пропагандировавших в последние годы этику личного успеха, и реакция на прогрессирующую атомизацию общества, и социальное расслоение, часто делающее коллективные действия весьма проблематичными. Немалую роль сыграло и то, что администрация разных уровней в последние годы систематически игнорировала практически любые идущие снизу коллективные акции, если только они не были связаны с угрозой серьезной дестабилизации (перекрытие магистралей и др.), вследствие чего готовность участвовать в таких акциях стала ассоциироваться с готовностью участвовать в "беспорядках" и силовых противостояниях. Какой из этих факторов вносит наибольший вклад в итоговые цифры, сказать трудно — вопрос этот требует специального исследования. Однако ясно, что мы сталкиваемся в данном случае с ситуацией социокультурного и социально-психологического раскола. Перед нами как бы две России, одна — солидаристская, ставящая перед собой те или иные общие цели, другая — сосредоточенная на индивидуальном выживании. Как показывает анализ полученных данных, разделительная линия между ними идет не по границам различающихся своим положением социальных групп и слоев, а раскалывает в той или иной пропорции каждый из них, причем пропорция эта, как оказалось, практически никогда не сдвигается в ту или иную сторону дальше, чем в соотношении 1:2. Иными словами, любой из двух альтернативных подходов (и соответствующих ценностных ориентаций) представлен в любой социально-демографической группе не менее чем третью ее численности. Существовая бок о бок, эти две России и сегодня довольно плохо понимают друг друга, а в случае возникновения ситуации нестабильности, такой раскол может обернуться противостоянием, чрезвычайными серьезными социальными потрясениями.

Казалось бы, если человек — игрушка судьбы, его личные усилия ничего не значат и в любой момент могут разбиться о гряды обстоятельств, то респонденты должны были бы поддержать "страховочный" вариант распределения жизнен-

ных благ по принципу уравнительной справедливости. Если судить о России и русских по широко распространенным мифам, именно так и должны были бы рассуждать наши соотечественники. Однако в реальности это не так. На протяжении ряда лет опрашиваемым предлагается еще одна пара альтернативных тезисов — "равенство возможностей для проявления способностей каждого человека важнее, чем равенство доходов и условий жизни" и "равенство доходов, положения и условий жизни каждого человека важнее, чем равенство возможностей для проявления способностей".

Выбрать ту или иную альтернативу должны были и наши респонденты. Вопреки расхожим стереотипам о русской ментальности, предпочтение было отдано вовсе не второй из них, а первой (59% ответов против 41%), причем пропорция эта варьируется по основным социально-демографическим группам очень умеренно. Иными словами, каких-либо поддающихся отчетливому выделению социальных групп, которые стремились бы "все отнять и поделить", в современной России нет. Практически везде признание того, что людям должна быть предоставлена возможность проявить себя и получить за это соответствующее вознаграждение, преобладает над уравнительными настроениями, хотя, конечно, и не в одинаковой мере.

Дифференцированный анализ полученных данных по основным социально-демографическим группам и некоторым специально выделенным категориям опрашиваемых показывает, что склонность верить в то, что успех зависит только от самого человека, имеет в России, как и везде, отчетливо выраженную "модернизационную" природу. В общем и целом оценка значимости индивидуальных усилий и способностей плавно повышается обратно пропорционально возрасту респондентов и прямо пропорционально уровню образования и величине поселения, в котором они живут и/или откуда они родом. Аналогично обстоит дело и с выбором между равными шансами и равными доходами. Более молодые респонденты, лица, имеющие высшее или среднее специальное образование, жители (уроженцы) крупных городов, особенно мегаполисов, ценят в первую очередь равенство возможностей и склонны надеяться преимущественно на себя, тогда как люди среднего и пожилого возраста, проживающие в сельской местности и городках районного масштаба, не закончившие средней школы увереннее чувствуют себя в составе различного рода общностей и нуждаются в выравнивании не только стартовых условий, но и вознаграждения за конечные результаты деятельности. Разумеется, важным здесь является также уровень компетентности респондентов — среди руководителей, самостоятельно принимающих решения, "индивидуалисты" встречаются чаще, чем "коллективисты", а среди рядовых работников и особенно не работающих — наоборот.

Перечисленные дифференцирующие факторы действуют не с одинаковой силой. Например, когда речь идет о "философской" альтернативе "Человек — сам кузнец своего счастья" — "Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями", такие параметры, как возраст, служебный статус и место социализации дают разброс 22–25%, тогда как все остальные — от 10% до 14%.

В этой связи особенно интересно отметить, что фактический уровень образования и тип поселения в настоящее время оказывают на расхождение во мнениях по данному вопросу заметно меньшее воздействие, чем место, где человек пошел в школу. Это означает, что представления респондентов о способности личным усилием преодолевать обстоятельства часто имеют своей основой не объективное соотнесение "силы волн с силой пловца", а внутренние самоооще-

ния, пропущенные через сформированные культурой и опытом первоначальной социализации фундаментальные "картины мира". Скажем, серия примерно одинаковых личных затруднений может совершенно по-разному переживаться людьми, занимающими одно и то же положение, но воспитывавшимися в разных социокультурных средах и прошедшими разный жизненный путь. В одном случае это будет, допустим, глубокая фрустрация по поводу личных "ошибок", переходящая в сомнения по поводу своей "конкурентоспособности" (синдром неудачника), в других — перенос ответственности на "судьбу", "невезение" или неблагоприятные "расклады" событий.

Если в советское время в школе, в печати, на экране доминировали герои, делающие "общее дело" и стремящиеся действовать "на благо всех", то в последние полтора – два десятилетия в стране широко развернулась пропаганда индивидуального успеха и так называемых успешных людей. При этом подразумевалось, что критерии успеха абсолютны и определены для всех и на все времена. Однако правомерно ли говорить об "успехе вообще", не соотнося результаты с намерениями и ценностями самого действующего субъекта?

Опираясь на результаты проводившихся нами ранее опросов, мы уже давали характеристики понимания россиянами успеха и успешности [1, 2], в частности, того, что в современных условиях тотальной экспансии "рыночных" ценностей они видят смысл жизни не столько в обогащении, сколько в душевной гармонии, семье и получении хорошего образования. В рамках настоящего исследования нас интересовали не столько вербальные характеристики жизненных целей и предпочтений, сколько оценка респондентами их реальных жизненных достижений в их соотношении с тем, что в психологии называют "планом всей жизни". Анализ проводился по 16 базовым позициям (образование, получение престижной работы, уровень жизни и благосостояние, воспитание детей, карьера, наличие надежных друзей и др.), по каждой из которых предполагалось четыре возможных ответа. Полученные данные представлены в таблице.

Таблица.

Чего удалось добиться в жизни россиянам?, %

Сфера достижения успехов	Уже добились того, чего хотели	Пока не добились, но считают, что им это по силам	Хотелось бы, но вряд ли смогут добиться этого	В их жизненных планах этого не было
1. Получить хорошее образование	40,0	11,0	32,0	16,0
2. Получить престижную работу	23,0	22,0	41,0	14,0
3. Создать счастливую семью	60,0	20,0	16,0	4,0
4. Иметь собственный бизнес	2,0	12,0	31,0	55,0
5. Стать богатым человеком	1,0	17,0	54,0	29,0
6. Заниматься любимым делом	38,0	24,0	33,0	5,0
7. Иметь много свободного времени и проводить его в свое удовольствие	14,0	19,0	42,0	25,0
8. Побывать в разных странах мира	4,0	17,0	55,0	24,0
9. Воспитать хороших детей	51,0	36,0	9,0	5,0
10. Жить не хуже других	31,0	36,0	30,0	4,0
11. Иметь надежных друзей	66,0	17,0	12,0	5,0
12. Честно прожить свою жизнь	63,0	26,0	7,0	4,0
13. Иметь интересную работу	38,0	25,0	30,0	7,0
14. Иметь доступ к власти	2,0	5,0	17,0	75,0
15. Попасть в определенный круг людей	6,0	11,0	21,0	62,0
16. Сделать карьеру профессиональную, политическую или общественную	9,0	19,0	23,0	49,0

В таблице не представлены затруднившиеся с ответом, поэтому общая сумма ответов может быть менее 100%.

Как видно из последнего столбика таблицы, поистине всеобщей жизненной целью для россиян является общение и взаимопонимание с близкими людьми (семья и друзья), а также наличие любимого дела, в которое, как издавна считается в народе, также надо "вложить душу". Количество респондентов, заявивших, что они таких целей перед собой *не* ставили, составляет не более 4–6%. Кроме того, подавляющему большинству россиян в принципе не хотелось бы вступать в серьезный разлад со своей совестью (установка на то, чтобы "честно прожить жизнь"). Наконец, к этому списку всеобщих целей надо прибавить еще несколько амбивалентное "жить не хуже других".

На противоположном от этого полюсе лежат не то чтобы антиценности (их ценностный статус и даже привлекательность, насколько мы понимаем, не оспаривается), а набор ценностей, не заслуживающих в глазах большинства россиян трансформации в значимые жизненные цели. Здесь мы найдем значительную часть из списка пропагандировавшейся у нас чуть ли не на официальном уровне "ценности успеха" — собственный бизнес, доступ в "избранное общество" и, наконец, власть, которая в национальном менталитете традиционно выступает как "самое последнее дело". Профессионально-статусная самореализация оказалась для россиян значительно менее привлекательной, чем просто наличие интересной работы и любимого дела. По крайней мере, почти 50% опрошенных отметили, что они никогда не планировали сделать карьеру, тогда как в своем изначально безразличном отношении к работе с точки зрения интереса к ней признались всего несколько процентов опрошенных.

Но здесь просматривается некое противоречие в ценностных ориентациях россиян. С одной стороны, им хотелось бы заниматься тем, что нравится им самим, не особенно думая о самопродвижении и признании со стороны окружающих, но с другой стороны, большинство наших сограждан не против богатства. Изначальное безразличие к нему продекларировали менее 30% опрошенных, причем есть основания полагать, что сюда вошло и некоторое количество людей, обманывающих самих себя (это психологически понятная форма самозащиты — если благосостояние никак не дается в руки, то.... "не очень-то и хотелось"). Таким образом, не менее 70% по крайней мере косвенно признали, что данная тема для них была с самого начала небезынтересной. Конечно, что такое "быть богатым человеком" — вопрос спорный, здесь могут попасть в одну рубрику еще советские представления старшего поколения (квартира, "Волга" + 6 соток) и несравненно более амбициозные современные вождения (особняк на Рублевке и "Бентли" + яхта и вилла в Испании). Но как бы мы ни рассуждали, все равно обозначается примерно 20-процентный зазор между теми, кто хотел бы быть богатым, и теми, кто готов целенаправленно на это работать. Остается только предполагать, как примерно пятая часть россиян думает добиться желаемого благополучия — то ли богатство должно прийти к ним "само собой", то ли его источником должно быть "справедливое" государство.

Если сопоставить планы и цели с результатами, то окажется, что более всего россияне удовлетворены окружающим их "малым" миром семьи и дружбы (60–66% твердо положительных и 17–20% уверенно оптимистических оценок против 16–20% отрицательных). Несколько ниже процент твердых "да" в том пункте таблицы, где речь идет о детях. Такой однозначный ответ получен лишь по половине выборки. Но в старших возрастных когортах (а это родители наиболее

дееспособных сегодня 30- и 40-летних россиян) удовлетворенность детьми достигает 3/4 опрошенных.

Заниматься любимым делом, иметь интересную работу удалось лишь меньшинству наших сограждан, хотя и довольно значительному (около 38%). В основном это специалисты с высшим образованием и руководители. Почти каждый четвертый опрошенный выразил надежду, что получить интересную работу, заняться любимым делом им, хотя пока и не удалось, но обязательно удастся.

Менее всего россияне склонны рассматривать как значительные свои достижения в плане карьеры и благосостояния. При этом, если, согласно самооценкам, карьера в общем и целом "задалась" примерно каждому десятому респонденту, то считают себя богатыми ровно в 10 раз меньше. Здесь обнаруживается самый высокий уровень фрустраций. Значительная часть опрошенных не удовлетворена также престижностью своей работы, дефицитом свободного времени и, наконец, некоторым однообразием жизни, которое является неизбежным спутником не слишком высокого социального статуса: так, в частности, троим из каждых четверых опрошенных хотелось бы побывать в разных странах мира, но вот реально удалось выполнить это желание чуть ли не одному из двадцати о нем заявивших. Не так много для общества, активно пропагандирующего вхождение в мировое сообщество и "открытость".

Итак, усредненный портрет россиянина в плане его стиля жизни можно выразить двумя словами — семьянин и "рабочая лошадка". Не рвущийся в "заоблачные выси", он в большинстве случаев лоялен и готов старательно работать на своем месте, рассчитывая на то, что это обеспечит ему возможность для спокойной жизни со скромным, но верным достатком.

Однако молодежь, особенно городская, постепенно все дальше отклоняется от данного типа, проявляя возрастающий уровень амбиций. Ее ценности близки к ценностям старшего (а отчасти и среднего) поколения лишь по нескольким позициям, таким как традиционный критерий самоуважения "жить не хуже других", создание хорошей семьи, приоритет любимому делу. Как ни противоречит это данным целого ряда исследований, свидетельствующих о склонности молодого поколения не считаться в своем продвижении не только с этическими нормами, но даже с законом, оно в общем лишь ненамного меньше старшего разделяет нравственную установку на честно прожитую жизнь (о том, что такой цели нет или не было в жизненных планах заявили от 2,5% до 3,5% опрошенных в возрастных когортах 51–60 и 60+ и чуть более 8,5% в возрасте до 30 лет).

Однако ожидания молодежи относительно уровня жизни и статусной и деловой самореализации значительно выше, чем у старшего поколения. Относительно стремления иметь собственное дело сравнения проводить трудно — в советскую эпоху такой возможности просто не было, и вполне естественно, что люди, достигшие ныне пенсионного возраста, ее не планировали. Но карьера была во все времена — и тем не менее в двух старших возрастных когортах почти 2/3 опрошенных особых планов такого рода, по их словам, не строили, тогда как в самой младшей возрастной группе таких бескорыстных альтруистов оказалось менее четверти — величина разрыва почти 40% (!). Сегодня не стремятся специально к богатству всего 11,5% самых молодых наших сограждан (до 30 лет), тогда как даже среди вполне еще социально активных и дееспособных 40–50-летних этот показатель в 2,5 раза ниже, а среди переваливших

60-летние никогда не ставили перед собой цели стать богатыми свыше половины опрошенных. Соответственно этому растут ожидания молодых по оплате труда и объему получаемых на эти деньги жизненных удовольствий (например, в плане поездок в разные страны мира или наличия свободного времени для досу-

га и др.). Готовых самостоятельно заняться бизнесом среди молодежи по-прежнему меньшинство, однако за последние годы оно выросло до значительной доли (примерно треть опрошенных).

Особенно красноречива в этом плане динамика отношения к власти. Старшее поколение однозначно ее сторонилось, в чем можно усматривать и жестокий урок послеоктябрьского террора, и некую безгосударственность русского менталитета, о которой в свое время говорили еще славянофилы. Такая позиция по-прежнему преобладает и среди молодежи. Однако вес ее очень резко снизился. Если среди тех, кому за 60 (а это поколение "младших шестидесятников", только-только вступавшее в самостоятельную жизнь на волне XX съезда КПСС), подавляющее большинство (87%) никогда не помышляли о доступе к власти, то среди тех, кто входит в жизнь сегодня, такой позиции придерживается лишь немного больше половины (57%). Все это позволяет сделать вывод о том, что при сохранении некоторых базовых смысловых констант национального менталитета в российском социуме в последние 10–15 лет произошла своеобразная "революция ожиданий". Под знаком этой революции в жизнь входит новое поколение, которому теперь придется столкнуться с тем, как будут оправдываться усвоенные им жизненные цели на практике. И самочувствие, стабильность, а, в конечном счете, и судьбы "новой" России будут в решающей мере зависеть уже от предварительных итогов этого масштабного тестирования. Другой вопрос — хватит ли стране ресурсов, а самому молодому поколению способностей, знаний, настойчивости, трудолюбия и ответственности. Во всяком случае ясно одно — в случае расхождения замыслов с результатами, ссылку на свою неконкурентоспособность, поколение, которому были обещаны "новые шансы", скорее всего, не примет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Россия на рубеже веков. М., 2006. С.19–27.
2. Россия — новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. М., 2004. С.195–208.

Using the materials of the survey "Social inequality in sociological measurement", of the spring of 2006, the author analyses correlation of values of collectivism and individualism in mass views.

В.С. Комаровский ОТНОШЕНИЕ ГРАЖДАН К РЕФОРМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Стабильность общества и устойчивое развитие экономики невозможны без широкой поддержки целей и действий власти населением, в том числе тех административных услуг, которые люди получают от государства.

Одной из важных составляющих успеха осуществляющейся в настоящее время административной реформы в целом и реформы госслужбы в частности явля-

КОМАРОВСКИЙ Владимир Савельевич — доктор философских наук, профессор политологии и политического управления Российской академии государственной службы при Президенте РФ (РАГС).